

Цзин Юньшу едва цеплялся за жизнь. Тело его было истощено до предела, но, по счастью, смерть отступила. Едва в нём окрепли силы и прояснился разум, он обратился к матушке Ань:

— Я помогу тебе. Но с одним условием: ты будешь беспрекословно мне подчиняться.

В тот миг госпожа Ань, кажется, истощила всю храбрость, отпущенную ей судьбой: она решилась выдать чужака за своего покойного сына Юньшу. По невообразимому совпадению, их имена звучали совершенно одинаково, что избавляло от лишних подозрений.

Юноше, в чьём теле очнулся Цзин Юньшу, едва исполнилось девятнадцать лет. Изнурённый голодом и лишениями, он превратился в сущую тень — кожа да кости. Как сокрушалась позже сама матушка Ань, даже её тринадцатилетний младший сын выглядел куда крепче и здоровее.

Самому Юньшу тоже было жизненно важно зацепиться за это имя. В Поднебесной без официального имени и дорожной грамоты невозможно ступить и шагу: ни проехать из города в город, ни обустроить быт. Без документов человек обречён на участь бесправного бродяги, тогда как имя почившего сына госпожи Ань открывало перед ним все двери.

Провернуть подобный обман и не навлечь подозрений было делом тонким. Цзин Юньшу укрылся в доме, избегая чужих глаз. Соседям же матушка Ань объясняла, что её сын занемог и не переносит даже малейшего сквозняка. Спустя месяц заботливого ухода Юньшу окреп настолько, что смог самостоятельно держаться на ногах. Тогда он и задумал перебраться в Янчжоу, где обосновался её неверный супруг Юнь Буши. Расчёт был прост: со временем соседи позабудут прежний облик её сына, и тогда никто не посмеет усомниться в словах матери.

Цзин Юньшу наотрез отказался запретить матушке Ань идти к мужу с протянутой рукой. Требовалось выждать время и устроить всё так, чтобы Юнь Буши сам призвал её обратно в лоно семьи. Только на правах желанной гостьи она могла выжить в змеином гнезде богатой усадьбы. Явись она сама — её бы неизбежно презирали и слуги, и господа. К тому же долгие лишения наложили свой отпечаток: измождённая женщина в отрёпках простой крестьянки вряд ли пробудила бы нежные чувства в пресыщенном мужчине. Разлука длилась три года, и первая встреча должна была сотворить чудо.

Продав последние скромные украшения матушки Ань, Юньшу выручил немного серебра и отправился в Янчжоу торговать. Дела его быстро пошли в гору. Первая лавка, которую он выкупил на скопленные средства, получила название «Аньская лавка тканей».

Они заранее сговорились утверждать, будто это дело — единственное наследство, доставшееся матушке Ань от покойного отца. Из всех бесчисленных лавок и мастерских, которые Цзин Юньшу со временем откроет, лишь эта официально принадлежала ей. Остальные заведения, хоть и поднялись на прибыли от торговли тканями, он предусмотрительно записал на третьих лиц, держа в строжайшей тайне. Юньшу прекрасно понимал, что рано или поздно порвёт с семейством Юнь, и не желал связывать себя лишними обязательствами.

Как только появились свободные деньги, Цзин Юньшу съехал со съёмного жилья и приобрёл уютную небольшую усадьбу. Проявив осмотрительность, он выкупил юную сиротку, собиравшую милостыню на погребение матери, чтобы та прислуживала его названной младшей сестре. Позже, когда они перебрались в дом Юнь, девочке дали созвучное с прочими служанками имя — Циньсинь. Немного погодя Юньшу разыскал почтенную матушку Линь и её племянницу. Прежде они служили в знатном доме, но после опалы прежних хозяев пошли по миру. Юньшу взял их под своё покровительство, сделав доверенными служанками матушки Ань; племяннице же дали имя Инсян.

Матушка Линь даже в толпе грязных невольников у торговца людьми выделялась благородством: её волосы всегда были аккуратно уложены, а простое платье, несмотря на дорожную пыль, прибрано со вкусом. Цзин Юньшу понимал, что для благородной девицы манеры и осанка — залог достойного будущего. Заботясь о судьбе маленькой Юнь Жуцзинь, он приложил немало усилий, чтобы завоевать искреннюю преданность этой мудрой женщины.

Появление в доме прислуги позволило матушке Ань наконец-то перевести дух. Лица людей, изо дня в день борющихся с нищетой, отмечены печатью вечной тревоги. Лишь когда голод и тяжёлый труд остались позади, Цзин Юньшу настоял, чтобы женщина занялась собой. За три года сытой и безмятежной жизни её сердце, некогда всецело преданное супругу, заметно очерствело. Прежде она цеплялась за мысль о Юнь Буши лишь из страха погибнуть под забором. Но теперь, когда нужда отступила, Юньшу посоветовал ей выбросить неверного мужа из головы, и она послушалась. Женщина зажила спокойной, размеренной жизнью: училась печь изысканные сласти и всю себя отдавала заботе о маленькой Юнь Жуцзинь.

Многие кулинарные рецепты матушка Ань воплотила в жизнь со слов Юньшу. Чтобы сделать её неотразимой в глазах Юнь Буши, он самолично разрабатывал эскизы платьев, подбирал благородные ткани и кроил наряды. Обладая редким талантом к шитью, женщина сама расшивала и шила эти одежды, чем оказала Юньшу неоценимую услугу в его торговых делах.

Прошёл ещё год. Благодаря безупречному вкусу Цзин Юньшу матушка Ань преобразилась до неузнаваемости, обретя истинно благородную статью и безмятежную грацию. Поняв, что плод созрел, Юньшу решил устроить «случайную» встречу.

В пору сливовых дождей Юнь Буши сопровождал свою законную супругу, госпожу Ван, в храм Дамин для совершения подношений. Мужчины в такие часы обычно спешат покинуть молельный зал, предоставляя жёнам благочестиво томиться у алтарей. Изнывая от скуки во внутреннем дворике, Юнь Буши лениво скользил взглядом по сторонам, как вдруг его внимание привлекла женщина, показавшаяся в круглом проёме лунных ворот.

Лицо незнакомки показалось ему смутно знакомым. Она была облачена в струящееся нежно-голубое платье; волосы её были уложены в скромную причёску, напоминавшую предгрозовое облако, изящно скреплённую жемчужной шпилькой. В её утончённом облике сквозила свежесть дикой орхидеи под каплями дождя, но во взгляде и мягкой улыбке таилось пленительное очарование зрелой женщины. Юнь Буши застыл как вкопанный, не в силах отвести глаз.

— Матушка, поберегись, здесь скользко, — Цзин Юньшу бережно придерживал её под локоть. К тому времени он окреп, выправился и заметно раздался в плечах.

— И ты будь осторожнее, сынок, — отозвалась матушка Ань. Её тихий вкрадчивый голос всегда звучал непривычно мягко, лаская слух.

Цзин Юньшу стал для них с дочерью единственной опорой, и её материнская забота была искренней. В тот день она поднялась к храму лишь ради того, чтобы вымолить у богов здоровья для сына и малютки Юнь Жуцзинь. Женщина и подумать не могла, что вечно занятой Юньшу сам вызовется сопровождать её.

Юнь Буши невольно изумился: «Надо же, какой взрослый у неё сын!»

В этот миг матушка Ань подняла взор и натолкнулась на пристальный взгляд мужа. Сердце её пропустило удар. Полноценная, сытая жизнь научила её ценить то, что имеешь, и мыслей о возвращении в усадьбу Юнь у неё давно не возникало. Растерявшись от неожиданной встречи, она испуганно отступила и, увлекая за собой Юньшу, поспешила прочь.

Её бегство лишь разожгло любопытство супруга. Озадаченный Юнь Буши преградил ей путь. Разумеется, матушка Ань не горела желанием возвращаться под крышу его дома. Но раз уж муж отыскал её, оставаться на стороне было бы глупостью. К тому же Юньшу заранее внушил ей: дочь должна расти под отцовским крылом, окружённая роскошью, чтобы со временем составить партию знатному и богатому человеку.

Юньшу не раз поучал её:

"Жена уступает наложнице, наложница — тайной возлюбленной, но слаще всего для мужчины та, которую он жаждет, но не может заполучить. Мужская страсть подобна целебной похлёбке: восстанавливает лишь то, чего не хватает в теле. Законная супруга Ван слишком холодна и благопристойна, значит, ему захочется ласки и покорности. Насытившись этим, он будет искать невинности. Когда же наскучит и это, он устремится к той, кто способна понять его душу. Найди среди этих обличий своё — и ты победишь"

В итоге всё устроилось в точности по совету юноши: Юнь Буши сам умолял её вернуться и с почётом ввёл в усадьбу в качестве любимой наложницы.

Управляющий Аньской лавкой тканей Сунь Синь и верный счетовод, служившие у Юньшу дольше остальных, питали к нему искреннюю признательность. Едва прослышав о возвращении молодого господина, они наняли лучшие конные экипажи и приехали встречать его к пристани.

Личная стража Юньшу прибыла в Янчжоу на быстроходном судне чуть раньше и уже обустроилась в Саду Су. Божественный лекарь Цинь Юнван, прежде не раз бывавший в здешних краях, сошёл на берег и сразу же откланялся, изъявив желание прогуляться по

городским улочкам вместе с учениками. Сам же Цзин Юньшу в сопровождении Чжили, Чжихуа, Чэнь Ляна и преданного Чжун И уложил дорожные сундуки в повозку Сунь Синя и направился к усадьбе Юнь.

Юнь Буши не был обделён житейской хитростью и умел угождать начальству, однако подлинного таланта к государственной службе не имел. Долгие годы он безнадежно прозябал в скромном седьмом чине. Лишь когда Цзин Юньшу изобрёл дешёвую бумагу, это принесло Юнь Буши долгожданную славу и милость двора. Прежний губернатор Янчжоу Ди Чунь, пойдя на повышение и заняв пост великого главнокомандующего, забрал полезного чиновника с собой. Так Юнь Буши выхлопотал себе пятый чин советника при ведомстве главнокомандующего. Ныне его обязанности сводились к составлению докладов да попечению над делами просвещения — служба непыльная и спокойная.

Юнь Буши исправно высылал семье подарки к праздникам, да и старая госпожа Юнь, его мать, души не чаяла в наложнице Ань. В голодные годы именно кроткая невестка преданно ухаживала за свекровью. Старушка, в отличие от бездушного сына, помнила добро и часто забирала к себе маленькую Юнь Жуцзинь, оберегая её от нападок старших сестёр.

Сама наложница Ань держалась тихо, никогда не ввязываясь в домашние распри, а её «сын», третий молодой господин Юньшу, прослыл неисцелимым доходягой. Настоятель даосской обители Баоян-цзы предрёк, что юноша протянет долго, лишь если уединится в горах, вдали от мирской суеты. Из-за этого Юньшу годами не показывался в родном доме, благодаря чему законная супруга и прочие обитатели усадьбы почти не донимали мать и дочь придирками.

Возвращение внебрачного сына не сочли важным событием: встречать его у ворот отправили обычного управляющего.

В усадьбе Юнь всю царил предновогодняя суета. Через боковые ворота то и дело сновали слуги с покупками, повсюду звенели весёлые голоса, и лица челяди светились праздничным предвкушением.

У ворот остановилась кавалькада экипажей. Чжун И спрыгнул на землю, споро установил подножку и помог Цзин Юньшу выйти. Из ехавшей следом повозки выпорхнули две очаровательные служанки и тут же обступили молодого хозяина.

Управляющий Ван Фу, ожидавший гостей у порога, некогда пришёл в дом вслед за законной супругой Ван в качестве приданого. Хваткий, расчётливый и строгий, он умел пустить пыль в глаза хозяевам. Все дела в усадьбе велись безупречно, за что Ван Фу снискал доверие не только госпожи Ван, но и старой хозяйки с самим Юнь Буши.

Хотя госпожа Ван номинально ведала всем хозяйством, бразды правления безраздельно держал Ван Фу. Благородная супруга желала прослыть справедливой и милосердной покровительницей, но женская ревность неизбежно брала своё. Именно Ван Фу брал на себя грязную работу, ловко урезая ежемесячное содержание неугодным наложницам. Обитательницы заднего двора это прекрасно понимали и всячески заискивали перед

всесильным управителем.

Управляющий стоял, согнувшись в угодливом поклоне. Однако за маской глубочайшего почтения, тонкими усиками и прищуром хитрых глаз скрывалось откровенное пренебрежение. Исподтишка разглядывая прибывших, он мысленно кривил губы: «Всего лишь безродный выскочка, а гонору-то! Притащил с собой целую свиту, будто он знатнее нашего старшего молодого господина».

Сделав шаг навстречу, Ван Фу почтительно соединил ладони:

— Приветствую третьего молодого господина. Будьте в здравии.

— Доброго дня, — бесстрастно отозвался Цзин Юньшу и слегка повёл бровью.

Чжили мгновенно поняла знак. Шагнув вперёд, она ловко вложила в ладонь управляющего увесистую золотую бусину.

— Наш господин слаб здоровьем и не выносит холода, оттого в дорогу пришлось взять много тёплых вещей. Будь добр, вели слугам перенести сундуки в покои.

— Благодарю за труды, — негромко добавил Юньшу.

Ван Фу, мгновенно ощутив пальцами приятную тяжесть золота, расплылся в улыбке:

— Что вы, молодой господин, это моя прямая обязанность! Двор Нефритового Гибискуса уже полностью убран и подготовлен к вашему прибытию. Дорога была дальней, соблаговолите отдохнуть. — С этими словами он нетерпеливо прикрикнул на притаившихся слуг: — Ну же, остолопы, живее хватайте сундуки!

Слуги, натужно кряхтя под тяжестью сундуков, потащили поклажу вглубь усадьбы. Цзин Юньшу неспешно шёл следом.

Они миновали парадный двор, пересекли средние покои и через круглые лунные ворота вышли в небольшой тенистый сад. Там, у развилки дорожек, Юньшу заметил незнакомую женщину в ярко-розовом шёлковом наряде. Судя по округлившемуся животу, она ждала ребёнка. Служанка бережно придерживала её под руку. Эту даму Юньшу прежде никогда не встречал.